

Темушев С. Н.,

*кандидат исторических наук,
преподаватель*

ПЕЧЕНЕГИ В СОБЫТИЯХ МЕЖДОУСОБИЦЫ 1015—1019 гг. НА РУСИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОЧНИКОВ

Междоусобица, открывшаяся после смерти Владимира Святославича, князя, сделавшего едва ли не больше всех последующих правителей для укрепления Древнерусского государства, заключает в себе множество загадок, одна из которых — убийство Бориса и Глеба — несколько заслонила другие, пожалуй, даже более важные. Одно из таких темных мест — участие печенегов в событиях междоусобицы 1015—1019 гг. Для печенегов осуществленные в эти годы акции имели несколько большее значение, нежели ставшее позднее привычным и обыденным участие степняков в междоусобицах русских князей. Печенеги оказались втянутыми в политический конфликт 1015—1019 гг., будучи, если верить источникам, совершенно пассивной силой. Не без участия печенегов в событиях, на первый взгляд, банальной междоусобицы решались многие вопросы последующего развития страны. В частности, вопрос о том, будет ли Русь ближе к Западу [27, с. 55—65]. У исследователя чрезвычайно мало данных, чтобы судить, какие собственные цели преследовала кочевая орда в событиях начала XI в. Но нельзя отрицать наличие таковых.

Важнейшим источником для реконструкции рассматриваемых событий остается Повесть временных лет (далее ПВЛ). В интересующий нас период 1015—1019 гг. автор ПВЛ трижды указывает на участие (косвенное или прямое) печенегов в политическом конфликте. Незадолго до смерти Владимир посылает любимого сына Бориса со своей дружиной («дружина отня») против степняков, поскольку «печенегом идущемъ на Русь». Поздней осенью («бе бо уже в заморозь») 1016 г., согласно с летописной хронологией, в битве у Любеча Святополк не смог воспользоваться помощью печенегов, стоявших на другом берегу озера. Наконец, в 1018 г. потерпев поражение в войне с Ярославом, Святополк бежал к печенегам и в следующем году привел на Русь степняков «в силе тяжьце». После поражения Святополка с его союзниками на р. Альте ПВЛ не упоминает печенегов вплоть до 1036 г., когда их «бе-щисла» орда была разгромлена Ярославом Владимировичем, отлучившимся в Новгород [24, с. 59, 58, 62, 63, 66]. Трудно сказать, насколько агиографическая стилизация, связанная с почитанием канонизированных Бориса и Глеба [17, с. 451; 37], повлияла на переработку летописцем информации об участии печенегов в политическом конфликте, но, в любом случае, составитель ПВЛ создает картину событий, не всегда подтверждаемую другими источниками.

Слабо информирован о событиях политической драмы начала XI в. составитель Новгородской Первой летописи (далее НПЛ). Все перипетии борьбы со Святополком он сводит к одной Любечской битве 1016 г., после которой «бежа Святополкъ в Печенеги, и бысть меж Чахы и Ляхы, никим же гонимъ пропаде оканны...» [20, с. 175]. Однако в описании самой битвы в НПЛ присутствует ряд подробностей, не известных автору ПВЛ. Так, упоминается имя воеводы Святополка, укорявшего новгородцев (Волчий Хвост) (Сомни-

тельно, что это тот же воевода Волчий Хвост, который покорил радимичей в 984 г.) [24, с. 39].

Несколько иной характер участия печенегов в событиях междоусобицы предлагают Новгородская Четвертая и Софийская Первая летописи, данные которых исследователи считают вполне достоверными [41, с. 212—231]. Так, раскрывается загадочная запись в ПВЛ под 1017 г. («Ярославъ иде в Киевъ, и погоре церкви»). Если верить названным памятникам, в этом году к Киеву подошли печенеги, которые проникли в город («всекошася в Киевъ») [21, с. 108]. Сгоревшая церковь («погоре» — употреблено в форме единственного числа) это, видимо, Софийский собор [17, с. 472] (М. Д. Приселков безосновательно предполагал, что речь идет о Десятинной церкви) [27, с. 60], о строительстве которого сообщает Новгородская Четвертая летопись в том же году. Но ПВЛ сообщает о строительстве собора только в 1037 г. [24, с. 66]. В пользу высказанного предположения говорят данные другого источника, причем иностранного происхождения (Титмар Мерзебургский, — об этом ниже) [36, с. 142]. Но запись в Новгородской Четвертой летописи, завершающая 1017 г., противоречит дальнейшему ходу событий («победи Ярослав Печенеги, и

отбегоша седьмое и до сего дни») [21, с. 108], поскольку в изложении событий 1019 г. составитель Новгородской Четвертой летописи повторяет запись ПВЛ под тем же годом, а именно: «прииде Святополк с Печенеги в силе тяжце» [21, с. 109; 24, с. 63]. Уникальные данные содержатся в рассматриваемом источнике в описании первой битвы Ярослава со Святополком. Летописец рассказывает о «греческой» хитрости, примененной новгородским князем для того, чтобы узнать, когда его противник готовится напасть [21, с. 109], об известном из европейской истории приеме уничтожения пути к отступлению («отъринуша лодия отъ берега») и, наконец, о повязывании платками головы своими воинами, чтобы можно было отличить их от врагов [21, с. 109].

Изложение событий междоусобицы в Никоновской летописи в целом повторяет рассказ рассмотренного выше свода и близких к нему, но оно менее противоречиво, хотя, возможно, дальше отстоит от реальности. Если судить по приводимой летописцем информации, пожар в Киеве 1017 г. (согласно этому своду сгорело до 700 церквей) произошел до прихода печенегов и последние после победы Ярослава «отбегоша» [13, с. 75]. В изложении же периода до 1015 г. в Никоновской летописи присутствует несколько уникальных записей, носящих легендарный характер. Так, составитель свода первой половины XVI в. создает картину «беспрестанной» войны Руси с печенегами в конце X — начале XI в., активными участниками которой были богатыри Александр Попович и Ян Усмович [13, с. 68—69].

Рассказ о событиях династического кризиса 1015—1019 гг. В. Н. Татищева, в изложении интересующих нас событий следующей версии Никоновской летописи, обрастает подробностями, в достоверности которых необходимо очень серьезно сомневаться. Трудно поверить, что эти данные приведены из каких-то не дошедших до нас памятников. Так, все рассмотренные выше источники говорят о трехмесячном ожидании войск Святополка и Ярослава перед битвой у Любеча (1016 г.). У В. Н. Татищева же говорится о трех неделях («седмицах») [35, с. 73]. Борис, согласно повествованию историка, не нашел печенегов, против которых его направил со своей дружиной отец, «зане за Дон ушли» [35, с. 71]. Эта запись весьма сомнительна, поскольку в это время за

Доном уже располагались кочевья враждебных печенегам торков [3, с. 75; 1, с. 9]. Чрезвычайно драматический характер придает В. Н. Татищев событиям 1017 г., обросшим в его версии массой подробностей. Так, мы узнаем, что вследствие пожара Ярослав вынужден построить Киев на новом месте, а печенеги ворвались в город, смешавшись с «бегущими людьми» [35, с. 74; 29, с. 83—84, 87—88]. Нет оснований доверять этим сведениям, не находящим подтверждения в других источниках.

Огромное значение, равнозначное ценности сведений ПВЛ, имеют записи мерзебургского епископа Титмара, современника интересующих нас событий, который создал в 1012—1018 гг. свою хронику на основе информации от непосредственных очевидцев [38; 33, с. 102—112]. Из нескольких сообщений Титмара можно предположить существование польско-печенежского союза. По Титмару, еще в 1013 г. польский князь Болеслав I Храбрый (992—1025) напал на Русь, где, разорив страну, рассорился с «пришлыми печенегами», с которыми был заодно (VI, 91). Несмотря на то что после ссоры в 1013 г. Болеслав велел перебить союзных печенегов, последние участвуют в его походе на Киев в 1018 г. (или после к нему присоединяются) [19, с. 199]. Кроме того, Титмар пишет, что печенеги «по наущению Болеславу часто нападали» на Киев, который всегда мог противостоять разорительным набегам кочевников (VIII, 32). Ценно и указание хрониста на пожар в Киеве, из-за которого сгорел собор святой Софии [36, с. 139, 142—143]. Мнения современных исследователей о значении данных Титмара расходятся. Если М. Б. Свердлов и А. В. Назаренко утверждают об их несомненной достоверности [33, с. 111—112; 17, с. 452], то А. Поппэ указывает на то, что хронист, «более князь церкви и политик, нежели историк», был исключительно пристрастным [44, с. 12].

Меньшее значение для рассматриваемой проблемы имеют данные польских источников. К тому же они полны недоразумений, возникших из-за характерного вообще для польских хронистов стремления возвысить свое государство, своих правителей. Так, Галл Аноним сообщает о преследовании ушедшего из Киева Болеслава Храброго «королем русских» с половцами и печенегами [39, с. 51; 43, р. 23]. Из этого эпизода можно судить, что автор совершенно не владеет информацией о политической ситуации в начале XI в. Не подтверждается другими источниками и нахождение Болеслава в Киеве в течение 10 месяцев [33, с. 109]. Последователь Галла Винцентий Кадлубек не стал повторять заведомо ложную версию об участии печенегов в войне против Болеслава на стороне Ярослава [40, с. 98]. Но есть один чрезвычайно важный для нашей проблемы источник польского происхождения. Это письмо миссионерского архиепископа Бруно Кверфуртского к германскому королю Генриху II (1002—1024). В своем послании, отредактированном в Польше в конце 1008 г., Бруно пишет, что в августе этого года вместе с ним к печенегам из Киева был послан в качестве заложника сын Владимира [42, с. 100; 12, с. 49—51; 18, с. 315]. Под этим последним исследователи видят Святополка, что очень хорошо объясняет союзнические

отношения князя со степняками в период династического кризиса 1015—1019 гг. [44, с. 13]. Если верить Бруно, ему принадлежит заслуга в заключении мира между Русью и печенегами, «наихудшими и жесточайшими из всех обитателей на земле язычниками» [18, с. 315]. Исследователи предполагают также, что именно кверфуртский архиепископ заключил союз Польши с печенегами, который находит подтверждение в поздней-

ших событиях [22, с. 34; 17, с. 472—473]. Письмо миссионера создает впечатление крайне напряженных отношений Руси со Степью в начале XI в. Русь, пишет Бруно, «из-за вражды с кочевниками» по всему пограничью отделилась «крепчайшей и длиннейшей оградой» [18, с. 314].

Несмотря на стилизацию, господство неких литературных клише («литературного этикета», «общих мест») [2, с. 515; 15, с. 1061—1062] в таком источнике, как скандинавские саги, необходимо признать их безусловную ценность. Уникальные подробности о развитии политическо-династического конфликта начала XI в. содержит так называемая «Эймундова сага» («Прядь об Эймунде»). Сага, прошедшая «через много рук на своем пути от устного предания до того вида, в котором мы ее теперь знаем» [31, с. 69], сохранила тем не менее интереснейшие подробности династической борьбы начала XI в. К участию печенегов в рассматриваемых событиях могут быть отнесены два эпизода саги. В седьмой главе рассказывается о нападении на город, принадлежащий Ярославу (судя по всему, Киев), Святополка с войском бьярмов [7, с. 110—111]. Некоторые соображения (Бьярмия — Vjarmaland — в сагах это «вообще далекая страна на востоке», бьярмы — конное войско, что характерно для кочевников) [15, с. 1077—1078] позволяют сделать вывод, что это печенеги [Исследователи не единодушны в данном выводе, см.: 7, с. 168]. Нападение бьярмов связывается с событиями 1017 г. русских летописей (см. выше) [15, с. 1077], но об участии в них Святополка говорит только сага. Скорее можно предположить, что в данном эпизоде нашли отражение события 1019 г. [24, с. 63] или, что более вероятно, смешались предания о разных событиях, в которых участвовали печенеги. При обороне города, согласно саге, варяги — Ярославовы наемники — применяют ряд хитростей (выставление напоказ драгоценностей, заманивание врага в «волчьи ямы», использование веток деревьев для защиты от стрел) [7, с. 110—111], известных и в западноевропейской и византийской литературе и восходящих еще к античным сюжетам [2, с. 518]. Доверять этим сведениям нет никаких оснований. Находит некоторые параллели в рассказе ПВЛ эпизод из «Пряди об Эймунде», содержащийся в 8 главе. Согласно саге Святополк (Бурицлав) провел зиму в Тюркланде, а весной собирался напасть с «тюрками и блокуменами» на Русь (Если с «тюрками» все более или менее понятно, этот этноним те же «тюрки» — «общее название кочевых народов Юго-Восточной Европе» [16, с. 218], то обозначение «блокумен» загадочно, предполагают, что оно близко к славянскому «валах» [7, с. 168]). По слухам, которые дошли до главного героя саги Эймунда, Святополк «отступился от христианства» и собирался «поделить страну между этими злыми народами». Но планы Святополка пресекло его убийство варягами [7, с. 112—115]. Трудно судить о достоверности сведений саги об обстоятельствах смерти упорного соперника Ярослава, но особый характер его отношений с печенегами подтверждается другими источниками. Можно только предполагать, имела ли место подготовка нового нападения на Ярослава Святополка с союзными печенегами, либо это очередное «общее место» саги. Итак, «Прядь об Эймунде» дает массу подробностей династической борьбы начала XI в., но лишь некоторые из них могут быть признаны достоверными.

Подводя итог обзору источников, освещающих проблему участия печенегов в событиях 1015—1019 гг. на Руси, необходимо отметить прежде всего их

многообразии, которое позволяет, с одной стороны, с большим основанием доверять тем или иным данным, прослеживаемым по нескольким памятникам, но, с другой стороны, вызывают определенную путаницу, требующую серьезного критического анализа.

Существует множество исследований, анализирующих события 1015—1019 гг., однако, как правило, в них главное внимание уделяется проблеме династической борьбы и русско-печенежские отношения рассматриваются исключительно в данном контексте. Даже в работах, посвященных непосредственно отношениям Руси и Степи, кочевникам отводится совершенно пассивная роль.

Н. М. Карамзин, в целом следующий летописной версии братоубийственной войны, в своей «Истории государства российского» использует источники различного происхождения (русских, польских, немецких), но часто некритически. Для историка печенеги — «разбойники, всегда готовые опустошать Россию», у которых Святополк может требовать помощи. Наряду с другими

союзниками и наемниками Болеслава в 1018 г. Н. М. Карамзин называет и печенегов, предположительно «молдавских» [8, с. 13, 11]. С. М. Соловьев считал, что в 1017 г. печенеги напали на Киев «по наущению» польского князя Болеслава, в 1019 г. их «огромные толпы» привел против Ярослава Святополк. Важно, что ученый обращает внимание на сходство летописных известий о набеге печенегов в 1017 г. и в 1036 г. (с этими же годами соотносится и строительство Софийского собора). По мысли С. М. Соловьева, предпочтительнее первая датировка, подтверждаемая данными Титмара [34, с. 182—183, прим. 322]. Междоусобица сыновей Владимира не находит места в концепции В. О. Ключевского. В лице печенегов ученый видит упорных соперников Руси, беспрестанная война с которыми была необходима для поддержания отношений с приморскими рынками. В период правления Владимира удалось, по подсчетам В. О. Ключевского, «пробиться в степь на один день пути» [9, с. 139—140]. О все большем напоре печенегов в начале XI в. говорит в своих лекциях А. Е. Пресняков [26, с. 371]. В конце XIX в. появляется первая монография, посвященная южным соседям Руси. В своей работе П. Голубовский обращает внимание на процессы, происходившие в собственно кочевнических обществах. В событиях 1015—1019 гг. исследователь видел борьбу Киева, опиравшегося на печенегов, с Новгородом. Поражением Святополка на р. Альте заканчивается, по мысли ученого, «роль печенегов в политических событиях Руси» [3, с. 72]. Украинский же историк М. С. Грушевский называл участие печенегов в усобице начала XI в. первым известным примером использования русскими князьями «турецких орд». Любопытно, что ученый связывал появление печенегов в 1017 г. (в тексте ошибочно 1018 г.) с первой попыткой Святополка отразить Ярослава с новгородцами, после неудачи которой тот бежит к польскому князю [5, с. 10—11]. К началу XI в., отмечал М. С. Грушевский, печенежская орда уже была сильно ослаблена, свою роль в этом сыграла «беспрестанная» война с Русью, но большее значение имел «натиск с востока» новых кочевников — торков и половцев [5, с. 25].

Крупнейший советский историк Древней Руси Б. Д. Греков видел в событиях междоусобицы 1015—1019 гг. первые симптомы феодального дробления Киевской Руси [4, с. 485] и печенегам в них отводил абсолютно пассивную роль. Это характерно и для последующих советских исследователей.

Можно лишь отметить, что Б. А. Рыбаков связывал рассказ «Пряди об Эймунде» об обороне столицы от бьярмов с сообщением летописей о нападении на Киев печенегов [30, с. 410]. В. Т. Пашуто отмечал, что Святополк имел «несчетную наемную печенежскую рать». Важно, что исследователь указывал на интерес Византии к обстоятельствам русско-печенежской войны, поскольку вскоре после окончания династического кризиса печенеги начинают вторжения в пределы империи (в 1026, 1032, 1025 гг. и позднее) [22, с. 108].

Интересные замечания делает в своей работе, посвященной междоусобице 1015—1019 гг., польский историк А. Поппэ. Исследователь считает, что Святополк долгое время провел в качестве заложника у печенегов, где «скоро добился их уважения и приязни, давшим результаты позже в вооруженной помощи в его борьбе за киевский престол» [44, с. 13]. Печенеги в итоге становятся верными союзниками старшего сына князя Владимира, а кроме того и польского князя Болеслава. Печенеги участвуют в походе Болеслава Храброго на Русь (хотя в их отношениях с поляками случаются осложнения) и нападают на Киев, когда узнают о заточении Святополка в темницу. Именно с набегами кочевников связывает исследователь пожары в Киеве в 1017 г. В противовес союзу Святополка с Польшей и печенегами, Ярослав заключает союз с Германией. Чрезвычайно важно, что для А. Поппэ является фактом, «что Византия принимала участие в событиях на Руси после смерти Владимира» [44, с. 17]. В союзных отношениях состояла Польша и печенеги и по мнению современного российского исследователя А.В. Назаренко, который предполагает, что существовало «какое-то долгосрочное антирусское соглашение Болеслава Храброго со степью», заключенное, видимо, архиепископом Бруно Кверфуртским в 1008 г. Вообще печенеги, по мысли исследователя, являлись естественными союзниками Польши в борьбе с Русью со времени появления русско-польской границы [17, с. 459, 462, 472—473].

Таким образом, в историографии отношения Руси с кочевниками в начале XI в. уделялось слабое внимание. Совершенно не предполагалось, что у степняков могли быть собственные интересы в событиях междоусобицы.

К началу XI в. в Восточной Европе складывается определенная система отношений, которая позволяет поддерживать равновесие при доминировании Византийской империи. После принятия христианства, а затем и появления церковной иерархии во главе с греческим митрополитом (Митрополит Феофилакт возглавлял русскую кафедру с 988 г. не более чем до 1018 г. и был отправлен в Киев самим императором Василием II) [25, с. 447—448] Русь оказывается в сфере влияния Византии. Но, судя по всему, какая-либо зависимость от империи чрезвычайно тяготила правителя молодого славянского государства. По мнению М.Д. Приселкова, Владимир

Святославич сразу после чрезвычайно важного для последующего развития Древней Руси события — крещения — пришел к соглашению с болгарским царем Самуилом об установлении иерархии Охридского патриарха [27, с. 54—55]. Это предположение, признаваемое чрезвычайно спорным [26, с. 357], тем не менее выглядит вполне правдоподобным, учитывая общий характер русско-византийских отношений. Как бы то ни было, Русь стремится к самостоятельности, равноправию в отношениях с другими государствами. И одним из проявлений этого стало заключение договора между киевским князем и византийским императором. Владимир получает в жены византийскую принцессу, а Васи-

лию II в борьбе с мятежниками помогает русско-варяжский корпус [22, с. 74]. Но Византия продолжает внимательно следить за событиями на Руси. Ко времени Василия II (976—1025) относят написание трактата «De castrametatione», в котором специально оговаривается необходимость иметь лазутчиков на Руси: «И не только относительно болгар надлежит иметь таких соглядатаев доместику и пограничным стратигам, но и относительно остальных соседних народов, как-то: Печенегия, Туркия и Росия, чтобы нам ведомы были все их замыслы» [22, с. 76].

Византия к началу XI в. заканчивала чрезвычайно тяжелую для нее войну с Болгарией. С гибелью последнего царя Ивана-Владислава в 1018 г. было уничтожено Первое Болгарское царство [14, с. 281—282]. Однако именно это торжество византийского войска явилось одной из причин нарушения системы равновесия, важным составляющим которой была кочевая орда печенегов.

Печенеги приходят в Северное Причерноморье в конце IX в., будучи вытесненными из Азии другими тюркоязычными народами, в числе которых были и узы (торки) [3, с. 18]. Появление новых кочевников в Причерноморье отмечено разорением северных провинций Хазарского каганата и истреблением прежних жителей степей [23, с. 67].

Первые упоминания в русской летописи о печенегах связаны отнюдь не с военным противостоянием. В 915 г. «приидоша печенези первое на Рускую землю, и сотворивше мир с Игорем, и приидоша к Дунаю», а в 944 г. Игорь привлекает печенегов для похода на Византию [24, с. 21]. Затем печенеги вплоть до ухода из причерноморских степей совершают постоянные набеги на русские земли. В целом, можно отметить три причины, обуславливающие проявление агрессии со стороны печенегов на русских землях. Первая — интриги византийцев [32, с. 123, 129], вторая — приглашение в качестве союзника одной из противоборствующих сторон в усобицах. Третья причина обусловлена какими-то собственными интересами кочевников, возможно, сводящимися к банальному грабежу, приобретению добычи и вместе с ней «славы». Необходимо при этом отметить, что набеги на соседей для кочевников имели не только «экономический» характер, они могли быть обусловлены стремлением племенных вождей повысить свой авторитет удачной акцией, спецификой развития и функционирования самого кочевого общества и, наконец, кровной мезью.

В интересующих нас событиях начала XI в. можно увидеть все три причины появления печенегов на Руси, но, кроме того, есть и еще одна. Дело в том, что в это время активизируют давление на печенегов их восточные соседи — торки, которых, в свою очередь, теснят половцы. Если в конце IX в. печенеги господствовали на всем пространстве причерноморских степей от Дона до занятой венграми области Этелькёзу (Ателькузу, около Днестра), то постепенно они оказываются все западнее. В начале X в. печенеги захватывают Этелькёзу, а в 917 г. отмечен первый их переход через Дунай. На протяжении X в. печенеги все дальше продвигаются на запад, занимая области, ранее принадлежавшие венграм [29, с. 83—87]. И это продвижение было вынужденным. Печенеги искали новые территории для своего расселения, территория Паннонии, к несчастью для них отнюдь не пустующая, была наиболее удобной для заселения кочевниками. Разгром Святославом Игоревичем Хазарии в

60-х гг. X в. привел к усилению давления на печенегов торков, ранее кочевавших в задонских степях [29, с. 87]. Печенеги начинают серьезно беспокоить Византию.

В. Г. Васильевский придавал огромное значение переходу печенегов через Дунай в середине XI в., приравнивая его к началу великого переселения народов (движению на запад готов) [1, с. 7—8]. Конечно, нельзя приравнивать значение этих событий. Но некоторые аналогии просматриваются. Так, продвижение готов также было вынужденным (их вытеснили гунны). Упомянутый выше исследователь указывает на одно важное обстоятельство, которое обусловило столкновение Византии и печенегов. Дело в том, что уничтожение Первого Болгарского царства привело к непосредственному соприкосновению империи с кочевниками. Существование болгарского

государства было выгодным для Византии в качестве своеобразного буфера. Но не разгром Болгарии привел к нарушению системы равновесия, о необходимости сохранения которой писал в середине X в. Константин Багрянородный.

В своем трактате «Об управлении империей» византийский император крайне важное значение отводит поддержанию дружественных или даже союзных отношений с печенегами (этому посвящены первые восемь глав). Константин Багрянородный указывает на возможность давления с помощью печенегов на «народ росов», которые «против удаленных от их пределов врагов...вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами». «Росы» также не могут появиться у Константинополя «ни ради войны, ни ради торговли» если «не находятся в мире с пачинакитами. Это же справедливо и в отношении Болгарии [10, с. 37, 41]. О том, что печенеги представляли серьезную силу неоднократно писали византийские авторы. Так, у Феофилакта Болгарского читаем о печенегах: «Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко — от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать» [1, с. 4—5].

Но в начале XI в. печенеги выпадают из сферы влияния Византии. Причиной тому были, видимо, и просчеты греческой дипломатии, которая ввиду успехов Византии на военном театре не посчитала нужным идти на соглашение с «варварами». Но была еще одна причина. О ней говорят восточные авторы применительно к 10-м годам XI в. Вслед за тем как в 1008—1009 гг. миссионеру Бруно удалось крестить в степи 30 человек (см. выше), «...после 400 года хиджры случился у них (печенегов. — С. Т.) пленный из мусульман, ученый богослов, который объяснил некоторым из них ислам, вследствие чего те приняли его. И намерения их были искренни, и стала распространяться между ними пропаганда ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только 12 тысяч, а неверных вдвое больше. А они (мусульмане) убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане, и есть у них ученые, и законоведы, и чтецы корана» [11, с. 58—60]. То, что печенеги приняли ислам подтверждает автор XII в. Гарнати [28, с. 35—36]. Отголоски этого факта отразились и в скандинавской саге. Выше уже отмечалось, что, по словам главного персонажа «Пряди об Эймунде», Святополк «отступился от христианства» и собирался разделить страну между тюрками и блокуменами, «этими злыми народами» [7, с. 112]. Принятие

ислама определенно вызвало охлаждение в отношениях с Византией, что подтверждается практически одновременным началом вторжений кочевников в пределы империи.

Именно в это время византийские источники говорят о войне в среде самих печенегов. Печенеги все дальше оттесняемые на запад торками оказываются в состоянии междоусобной войны, возникшей как раз в связи с пассивностью старейшего печенежского хана Тираха. Новый хан, Кеген, заработавший авторитет в войне с торками, с 20 тысячами кочевников перешел Дунай и поступил на службу к грекам. Но расположившись в пограничных крепостях, Кеген не переставал беспокоить орду Тимаха, и тот в 1048 г. с 800-тысячной ордой перешел Дунай. Эпидемии и действия византийских войск и их союзника Кегена привели к полному разгрому печенегов [1, с. 10—14; 29, с. 88—89]. Можно согласиться с Л. Н.Гумилевым, что борьба Кегена и Тираха носила конфессиональный характер [6, с. 286]. Кеген, судя по всему, и был предводителем тех печенегов, которые не приняли ислам.

Свидетельства византийских авторов о войне Тираха и Кегена, многочисленные сообщения венгерских источников о проникновении печенегов в Угрию [29, с. 82—142], а также смутные данные «Пряди об Эймунде» позволяют придти к еще одному важному выводу, который дает возможность понять собственно характер участия печенегов в междоусобице на Руси в 1015—1019 гг.

На протяжении первой половины XI в. стремительно сокращается территория расселения печенегов, кочевое хозяйство которых требует достаточно больших пространств для его нормального функционирования. Выше уже отмечалось, что Владимиру Святославичу удалось расширить границы своего государства на юг, добавим к этому непрекращающийся натиск торков (а за ними — половцев). Приблизительно в то время, когда печенеги поддерживали Святополка в его борьбе, они теряли степи восточнее Днепра [29, с. 88]. Печенегам жизненно важно было найти новые территории расселения. Падение Первого Болгарского царства открыло им путь за Дунай, но здесь они столкнулись с мощью Византийской империи. В какой-то момент было найдено решение — для своего выживания печенеги идут на соглашение с земледельческими государствами. Так, на землях, подвластных империи появляются печенеги во главе с Кегеном. Представляется, что в ходе борьбы Святополка за Киев решалась и судьба вытесняемых из степи кочевников. Какая-то часть кочевой орды (Константин Багрянородный применительно к середине X в. говорит, что страна печенегов делится на «восемь фем», в главе с «великими архонтами») [10,

с. 155] попыталась уже в начале XI в. найти пристанище на русских землях, как это сделали их потомки во второй половине века [29, с. 128—142]. Другая часть печенегов (возможно, более лояльно относящаяся к христианству и враждебно к исламу) проникла с разрешения Византии за Дунай, где составила пограничную стражу. В не утратившей своего значения до нашего времени статье Д. Расовский на основе глубокого анализа источников показал проникновение печенегов в Угрию (Венгрию). Поражение Святополка, верными союзниками которого были печенеги, в войне с братом Ярославом закрыло путь последним на Русь. А о том, что вероятность расселения степняков на Руси уже в это время существовала говорит уже упоминавшееся выше смутное сообщение в «Пряди об Эймунде», каким-

то образом сохранившееся в данном источнике несмотря на довольно позднюю его запись. Принятие какой-то частью печенегов (судя по источникам, значительной) ислама в то же время было серьезной ошибкой. В окружении христианских земледельческих народов мусульмане-кочевники не могли найти поддержки.

Печенеги в начале XI в., как можно судить по косвенным данным источников, развивают чрезвычайную активность в дипломатическом отношении. О союзе с киевским князем Святополком сказано уже достаточно. Но нужно отметить, что и с Польшей у степняков существует какое-то соглашение. Видимо, союз с польским государством ничего не дал печенегам. А. Поппэ предполагает, что в ходе похода Болеслава на Русь (в 1013 или 1018 г.?) возник конфликт между польскими солдатами и печенегами [44, с. 15]. Не могла не следить за событиями на Руси и в Степи и Византия. Титмар Мерзебургский сообщает, что после захвата Киева Болеслав отправил послов в Грецию, «обещая ее императору выгоды, если тот будет ему верным другом» [36, с. 143]. Но, судя по всему, Византия в это время полностью утратила свое влияние среди кочевников Приднепровья, поскольку не была заинтересована в поддержке печенегами Святополка, ориентировавшегося на западную церковь [27, с. 55].

Итак, в участии печенегов в событиях междоусобицы 1015—1019 гг. можно увидеть не только столь частое в более поздний период использование кочевников одной из противоборствующих сторон. В начале XI в. печенеги решали проблему своего собственного выживания в катастрофической для них ситуации вытеснения из мест своего обитания. Часть кочевников попыталась найти новые территории для расселения на Руси (лишь позднее в рамках конгломерата племен, известных, как черные клобуки, печенеги обоснуются на русских землях), другие (а может быть и те же) двигаются на юго-запад и запад.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги // В. Г. Васильевский. Труды. Т. I. Спб., 1908.
2. *Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А.* Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
3. *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.
4. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
5. *Грушевский М. С.* Історія України — Руси: В 11 т., 12 кн. Т. 2. Киев, 1992.
6. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
7. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
8. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Т. 2—3. М., 1991.
9. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 1. М., 1993.
10. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.
11. *Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. 1. Спб., 1878.
12. Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия [Составл., перев., коммент. М. Б. Свердлов. Вып. 1. М.; Л., 1989.
13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полн. собр. русских летописей. Т. 9. М., 2000.

14. *Литаврин Г. Г.* Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Литаврин Г. Г. Византия и славяне: Сб. ст. Спб., 1999.
15. *Лященко А. И.* «Eymundar Saga» и русские летописи // Известия Академии наук СССР. 1926. VI сер. Т. 20. № 12.
16. *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
17. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX — XII вв. М., 2001.
18. *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
19. *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. (Тексты, пер., коммент.). М., 1993.

20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001.
21. Новгородская четвертая летопись // Полн. собр. русских летописей. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915.
22. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
23. *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986.
24. Повесть временных лет. Спб., 1996.
25. *Поплэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // Г. Подскальски. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). Спб., 1996.
26. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
27. *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. Спб., 1913.
28. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) [Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971.
29. *Расовский Д.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.
30. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.
31. *Рыдзевская Е. А.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л., 1940. Вып. 7.
32. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991.
33. *Свердлов М. Б.* Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976.
34. *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. I. Т. 1—2. История России с древнейших времен. М., 1993.
35. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 2, 3. История Российская. Ч. 2. М., 1994.
36. *Титмар Мерзебургский.* Хроника // А.В. Назаренко. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993.
37. *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
38. *Фортинский Ф. Я.* Титмар Мерзебургский и его Хроника. Спб., 1872.
39. Хроника Галла Анонима // Н. И. Щавелева. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., коммент. М., 1990.
40. Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Н. И. Щавелева. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., коммент. М., 1990.
41. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908.
42. List Brunona do kryła Henryka // Monumenta Poloniae historica: Seria Nova. Т. 4. Kraków, 1978.
43. Monumenta Poloniae historica: Seria Nova. Т. 2. Kraków, 1956.
44. *Poppe A.* Sprzeczna po Włodzimierzu Wielkim. Walka o tron kijowski 1015—1019 // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CII. 1995. Nr 3—4.